

Основной инстинкт «четвертого хряка»

С ТЕЛЕЗВЕЗДОЙ НАКОРОТКЕ

Декабрь 1994 года, ведущая «Вестей» Светлана Сорокина, сообщив о начале военных действий в Чечне, не сумела (или не захотела) сдержать слезу. Потом директор ВГКРТ Олег Попцов назовет ту слезу «национальным достоянием».

Наш корреспондент деликатно напомнил об этом Сорокиной – председателю жюри закончившегося в Ярославле зонального тура всероссийского конкурса регионального телевидения «Время действовать».

Напомнил исключительно для того, чтобы спросить ее:

– А если сегодня у вас на ток-шоу «Основной инстинкт» вдруг навернется слеза, вы остановите себя или, как десять лет назад, позволите ей у всех на виду пролиться?

– Тех воспоминаний не люблю. Сколько можно это обсуждать? Спросили бы о чем-нибудь поновее.

– Но ведь чувства, Светлана, вообще тема очень старая.

– Исхожу из того, что все должно быть естественно. Если слеза искренняя, то пусть и прольется. Я себе этого запретить не могу. Если запретила, значит, слеза была ненастоящая.

– Сегодня для вас в жизни есть что-то такое, от чего душа болит так, что хоть плачь?

– Вы меня своими вопросами немного пугаете. На исповедь приглашаете? Но мы ведь с вами не в церкви.

– Тогда разрешите просто прочесть вслух название одной из номинаций ярославского тура конкурсного проекта независимого объединения «Интерьюс», а название такое: «Чего мы боимся?»

– Чего боюсь?.. Того, что все больше в людях взаимной вражды, ожесточения, а мы и так-то пока не ощутили себя единой нацией. Боюсь нездоровья, старости, смерти. Как раз в эти дни была на сносях моя любимая племянница, я вся тряслась. Сегодня утром, слава богу, в Ярославль пришла благая весть: там все прошло нормально. Вес моего нового, еще безымянного родича три килограмма двести пятьдесят граммов. Каков богатырь!

– С чем мы вас немедленно поздравляем... А теперь вопрос к вам как к председателю жюри конкурса «Время действовать». Трехдневная деловая игра телевизионщиков со всей страны, дискуссия у свободного микрофона назывались «Какая Россия нам нужна?». Так какая же?

– Для начала конкурсантам было предложено привести, со знаком плюс и со знаком минус по отдельности, слова-аналогии по ассоциации с понятием «Россия».

– Уже интересно.

– Хотите, заглянем в мои записи?

– Буду вам очень признателен.

– Так вот слушайте. Россия – это «земля, медведь и ольха». Кстати, недавно я была в Токио и там пообщалась со сводным братом Ирины Хакамады – профессором Хакамадой. Он изучает и Россию. Любопытны его суждения о разных типах цивилизаций. Западную с ее ставкой на ценности и свободы личности, оказывается, можно сравнить с ка-

богатые природные ресурсы. А вот как в одном из «проектов» выглядит вкратце сегодняшний день страны вкупе с ее тысячелетней историей: «татаро-монгольское иго», «Петр I», «космос», «балет». А вот формула еще короче: «царь-батюшка», «Церковь» и... «капуста». Самая мрачная запись такая: «дети в попойке», «пьяный сосед», простите, «моча в лиф-

раз смотрела фильм Милоша Формана «Народ против Ларри Флинта». Там реальные события и человек. Помните, против Флинта возбуждено дело о клевете. А он подает встречный иск и говорит, что идет наступление на ту самую первую поправку к конституции Соединенных Штатов, которая гарантирует свободу слова. Для меня самое интересное в филь-

– Основной инстинкт под-сказывал ему, что так жить нельзя?

– Мы в день подведения итогов дискуссии высказали осторожную догадку, что СМИ – не четвертая власть, а скорее в чем-то «четвертый хряк», им надлежит будить всех, кто поддается неверному устройству жизни. Шутка конкурсантами была принята просто на ура.

– Каким по ярославским впечатлениям вы находите телевидение русской провинции?

– Впечатления самые пестрые. Иногда молодым провинциалам недостает веры в то, что глубинка способна успешно соперничать с федеральными каналами. Я начинала на Ленинградском телевидении и по себе знаю, что у местного ТВ свои козыри, только не надо пытаться охватить всю вселенную. Мы в конце 80-х – начале 90-х годов вгрызались в ту жизнь, что была у нас под окном, показывали тех людей, что живут бок о бок с нами. Боялись срастаться с властью, отстаивали собственную независимость всеми возможными способами. И нас смотрели, знаю, далеко не только ленинградцы.

– Как выглядели на конкурсе «Время действовать» ярославцы?

– Запас впечатлений, прямо скажу, невелик. Больше других – а подано было, кажется, четыре заявки – запомнился сюжет «Ярославии» под названием «Лудомания» об азартных страстях в стенах игорного дома. Мы наградили его дипломом в номинации «Чего мы боимся? Время думать». Мне все-таки удобнее говорить о тележурналистике средней полосы России. Пока в точности не знаю, чем это объяснить, но здесь, по моим наблюдениям, сюжеты «пожиже», чем в той же Сибири. Там журналистика сильнее, свободнее, есть компании с крепкими традициями. Может быть, вашим мешает близость столицы? И в смысле жестких влиятий, и потому, что Москва оттягивает к себе из провинции кадры?

– На прощание давайте поговорим о чем-нибудь приятном. Например, о победах.

– Не буду отбивать хлеб у члена нашего жюри телеобозревателя Ирины Петровской, но скажу: кандидаты на Гран-при нашлись не во всех номинациях, зато мы учредили несколько спецпризов. Один из них слегка прикольный – «За беспощадное человеколюбие и нечеловеческий гуманизм» – получили краснодарцы. Лучшие конкурсные сюжеты и поддержательные, и хорошо сняты, и нормальным русским языком рассказаны.

– А о чем, если не секрет, будет следующий выпуск «Основного инстинкта»?

– Один из ближайших готовлю на семейные темы. Тут и мои самые большие радости. Жду не дождусь, когда снова увижу дочку.

– Ей сколько сейчас?

– Антонине два с половиной.

– Дай ей Господь всего хорошего.

– Спасибо.

Беседовал

Юлиан НАДЕЖДИН

Фото Ириислава ЮРАСОВА.

Лауреат «ТЭФИ» С. Сорокина в Ярославле.

менной кладкой. Из отдельных «кирпичей» и «булыжников» получается довольно прочная конструкция общества. Восточную же цивилизацию, например Китай, где интерес к индивидуальности как бы размыт, можно уподобить глине густого замеса. Каждый человек вроде и неразличим, а постройка тоже получается крепкой.

– А мы?

– Нас профессор Хакамада сравнил с песком. А из него, в силу его природной сыпучести, очень трудно строить. Требуется какое-то цементирующее начало. Им, увы, частенько становится сильная рука, какая-то сверхидея.

– Вас такая логика убеждает?

– Вполне. Только в применении к России «песок» я заменила бы «землей», как это и сделал за меня один из участников наших дискуссий. Состыковал «землю» с «медведем». Земля тоже рассыпчатая структура. Но все же какие-то пригодные для жизни постройки из нее возводить можно, не правда ли?

– Для мишки косолапого?

– Зачем, у него берлога есть. В Сибири своими глазами видела, как лохматый хозяин тайги совсем неподалеку от нас, неизвестно куда направляясь, помился сквозь чащобу, аж сучья трещали. Такой способ передвижения – очень по-нашему.

– Что еще эдакого имеется в ваших записях?

– Кто-то слабо вскрикнул, что у нас великая культура и

те». И дальше: «завистливый коллега», «толстый чиновник».

– В общем, не соскучишься.

– Когда я делала свой обзор, то отметила особо, что для большинства моих молодых коллег из провинции Россия – это что угодно, но не они сами. Меня сие печалит и тревожит, не скрою.

– А что есть Отечество для вас лично?

– Это я, моя дочь, дом, семья, соседи.

– А если попробовать подытожить ваши впечатления от просмотров и дискуссий, то что получится?

– Общая картина жизни при всем разнообразии сюжетов глаз не ласкает и душу не тешит. Обобщенный сюжет выглядел бы так: инвалиды, взявшие на воспитание детей, брошенных пьяницами-родителями, сами живут в хибаре, где постоянно течет крыша. Что-то вроде этого.

– Верно ли подобный сюжет отражает нашу кипучую действительность?

– Надеюсь, лишь отчасти.

– Какие напутствия вы дали бы молодым коллегам из провинции?

– Для человека, выбравшего нашу профессию, спутником на всю жизнь должно стать сомнение.

– Какую из демократических свобод вы считаете самой ценной?

– Как нетрудно догадаться, свободу слова. Недавно еще

ме, пожалуй, вот что. Судьи, конечно, настроены плохо к этому Флинту. Он их всячески провоцировал, оскорблял, поносил все добрые устои страны. Тем не менее судьи выступили на стороне Флинта. Потому что посчитали: любое посягательство на свободу слова в цивилизованном обществе куда страшнее, чем все оскорбления какого-нибудь Флинта, вместе взятые.

– А у нас закрытие программы «Свобода слова» свершилось, как ни стыдно об этом говорить, с молчаливого согласия общества.

– То-то и прискорбно. И я не согласна с расхожей логикой «делай, а потом уж говори». По мне, говори, что думаешь, а потом и действуй. Ведущий наших дискуссий профессор Иосиф Дзялошинский рассказывал занятную историю про то, как в молодости он писал в газету репортажи с ВДНХ. В павильоне сельского хозяйства посетителей познакомили с одиозным экспериментом по ускоренному выращиванию поросей. Для свиноматок искусственно разделили день на несколько трехчасовых «ночей», когда выключали свет, и на такие же отрезки светлого времени суток. Три подопытных бедняги засыпали, набирая вес, но среди них затеялся бунтарь-одиночка. Четвертый хряк в той компании категорически не желал мириться с неправильным распорядком дня и всех будил, срывая эксперимент.